

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ, В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности правового регулирования в советский период участия прокуроров в административном преследовании лиц, обладающих особым правовым статусом. В качестве объекта исследования выбрана специфика правоотношений, складывавшихся в связи с реализацией соответствующих норм законодательства. Отмечаются как позитивные моменты, так и спорные вопросы нормативной регламентации отдельных аспектов, связанных с рассматриваемой деятельностью прокуроров. Высказывается мнение о возможности заимствования ряда положений законодательства союзного периода в регулировании складывающихся в настоящее время правоотношений. В основе исследования лежит исторический метод с дополнением его методом сравнительного правоведения как в отношении современного российского законодательства, так и применительно к нормам, действовавшим на разных этапах советского периода. Основными выводами является констатация наличия у прокуроров в советский период полномочий, связанных с привлечением к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом, а также эволюционного характера законодательного закрепления их на протяжении исследуемого периода. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени рассматриваемый вопрос фактически не нашел своего широкого обсуждения в публикациях других авторов.

Ключевые слова: административная ответственность, административное преследование, возбуждение производства, неприкосновенность депутата, особый правовой статус, полномочия прокурора, представление прокурора, прокурор, советский период, согласие Совета.

Abstract. The author studies the peculiarities of legal regulation of prosecutors' participation in administrative prosecution of special legal status persons in the Soviet period. The research object is the specificity of legal relationship in the sphere of the related legislation enforcement. The author notes both positive and contradictory aspects of normative regulation of particular issues. In the author's opinion, it is possible to borrow some provisions of the Soviet legislation to regulate the current legal relations. The research is based on the historical method and the method of comparative jurisprudence in relation to the current Russian legislation and to legal provisions of the Soviet period. The author states that in the Soviet period, prosecutors possessed the authorities to impose administrative responsibility on special legal status persons, which have been consolidated during the period in question. The problem under discussion hasn't been studied sufficiently so far.

Key words: prosecutor's petition, prosecutor's authorities, special legal status, MP immunity, commencement of proceedings, administrative prosecution, administrative responsibility, prosecutor, Soviet period, Council's agreement.

В ранее опубликованной статье [1] мы уделили внимание роли прокуроров в реализации положений ч. 2 ст. 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, где в том числе высказали предложение о необходимости издания Генеральным прокурором РФ организационно-распорядительного документа, посвященного этому вопросу. В конце 2015 г. увидел свет приказ руководителя прокурорской системы от 23.11.2015 № 645 «О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающим особым правовым статусом» [2], что свидетельствует о проявлении заинтересованности в упорядочении применения прокурорами полномочий в рассматриваемой сфере, чему очевидно следовало бы посвятить отдельную статью.

В то же время с учетом актуализации проблематики, на наш взгляд, представляется востребованным изучение истории вопроса, которая начала развиваться в конце 1960-х гг. в условиях отсутствия как кодифицированного акта об административных правонарушениях, так и применяемого в настоящее время понятия «должностные лица, выполняющие определенные государственные функции». В этой связи в заголовок настоящей статьи вынесен термин, используемый в названии упомянутого выше организационно-распорядительного документа, а именно «лицо, обладающее особым правовым статусом», которым мы и будем далее оперировать.

Следует отметить, что институт привлечения к административной ответственности лиц, обладающим особым правовым статусом, не является

завоеванием современной эпохи, поскольку он известен еще законодательству советского периода. Так, согласно ст. 76 Закона РСФСР от 19.07.1968 «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» [3] депутат поселкового, сельского Совета не мог быть на территории Совета подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия поселкового, сельского Совета, а в период между сессиями – без согласия его исполнительного комитета. При этом такое решение могло быть отменено соответственно вышестоящим Советом или его исполнительным комитетом с передачей вопроса на повторное рассмотрение поселкового, сельского Совета. А в случае, если Совет подтверждал первоначальное решение, вопрос мог быть решен по существу Советом народных депутатов автономного округа, автономной области, областным, краевым Советом народных депутатов, а в автономной республике – Президиумом Верховного Совета АССР по представлению соответственно прокурора автономного округа, автономной области, области, края, автономной республики. То есть процедура в определенных случаях могла иметь возвратно-поступательный характер, причем, как видим, на последнем этапе законодатель посчитал необходимым подключить к ее реализации прокурора определенного уровня. Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт участия прокурора в привлечении к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом, имеет почти полувековую историю.

Кроме того, необходимо подчеркнуть еще два немаловажных нюанса. Во-первых, речь шла территориальном принципе применения указанных специальных юрисдикционных мер, напрямую связанном с территорией отправления депутатом своих должностных обязанностей, то есть вне рамок территориальности особый порядок не действовал. Во-вторых, получение согласия было необходимо лишь в случаях, когда речь шла о последующем судебном порядке рассмотрения дела об административном правонарушении, что позволяет говорить о том, что на применение соответствующих полномочий органам административной юрисдикции в принципе никакого согласия не требовалось, поскольку законодатель не устанавливал исключительно судебное рассмотрение дел. В современном российском законодательстве также имеют место похожие нормы и здесь, на наш взгляд, правомерно задаться вопросом: «Разве суд (судья) может менее квалифицированно рассматривать дела об административных правонарушениях, нежели должностные лица специально уполномоченных органов?». Рискнем предположить, что смысл подобных норм кроется в том, что судебное рассмотрение дела об

административном правонарушении в силу, как правило, открытого характера заседания предопределяет публичность мероприятия, а потому на его проведение и требовалось особое «благоговение» коллег по депутатскому корпусу. Кроме того, и это, возможно, ближе к истине, суды (судьи) в отличие от органов административной юрисдикции (должностных лиц) правомочны были налагать более строгие административные взыскания (например, в 1980-е гг. это исправительные работы и административный арест).

Безусловно, при анализе приведенных норм возникают и ряд других, с одной стороны, банальных, но, с точки зрения правоприменения, актуальных вопросов. Во-первых, кто именно (депутат, потерпевший или орган административной юрисдикции) и в какой форме (жалоба или другой документ) мог оспаривать первичное решение поселкового, сельского Совета (его исполнительного комитета)? Во-вторых, о каком именно решении шла речь – о согласовании, об отказе в согласовании или допускаясь и то, и другое? Это лишнее раз подчеркивает необходимость более жесткой законодательной регламентации подобного рода процедур, что не утрачивает своей актуальности и в настоящее время. Вместе с тем полагаем, что на этом этапе на все поставленные нами вопросы можно ответить утвердительно, поскольку законодатель не определял, что речь может идти только о каком-то одном решении Совета, например, об отказе в согласовании привлечения депутата к административной ответственности.

Что касается подключения к вопросу прокурора в случае подтверждения Советом своего первоначального решения, то сразу возникает вопрос о необходимости обращения какого-то заявителя в прокуратуру и таким заявителем опять-таки в зависимости от характера решения могли выступать и сам депутат, и потерпевшее от его действия (бездействия) лицо, и орган административной юрисдикции. В принципе, изначально заинтересованным лицом мог выступать и сам прокурор, который в силу ст. 15 утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955 Положения о прокурорском надзоре в СССР [4] мог *принимать в отношении нарушивших закон должностных лиц и граждан меры по привлечению к административной ответственности*.

И если следовать изложенной версии, то прокурор, как правило, выступал на стороне обвинения, то есть осуществлял функцию административного преследования, но в случае согласия с жалобой депутата на незаконность привлечения последнего к административной ответственности прокурор реализовывал уже свое полномочие в рамках надзорной функции. Впрочем, следует под-

черкнуть, что с позиции постулатов науки о прокурорском надзоре того периода вопрос в любом случае рассматривался бы через призму реализации именно надзорного полномочия.

Однако не следует забывать, что поскольку речь шла об оспаривании (обжаловании) решения поселкового, сельского Совета в Совет областного уровня, очевидно мог вставать вопрос о том, как поступать прокурору районного звена, к которому могли напрямую обращаться заявители. Законодатель об этом умалчивал, а ведомственных организационно-распорядительных документов на этот счет, исходя из анализа содержания доступных автору сборников основных приказов и указаний руководителей прокурорской системы того периода, не существовало. Вместе с тем очевидно, что в подобных случаях нижестоящий прокурор обязан был проинформировать вышестоящего прокурора, уполномоченного на принятие процессуально значимых решений, о наличии соответствующего обращения.

Аналогичные приведенным нормы содержались также в ст. 87 Закона РСФСР от 29.07.1971 «О районном Совете народных депутатов РСФСР» [5], где предусматривалась точно такая же роль соответствующих прокуроров. В свою очередь ст. 96 Закона РСФСР от 29.07.1971 «О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР» [6] правом оспаривания решений Совета города республиканского подчинения (его исполнительного комитета) наделила *прокурора РСФСР*, который был праве обращаться с представлением в Президиум Верховного Совета РСФСР.

Законом СССР от 20.09.1972 «О статусе народных депутатов в СССР» [7] в ст. 33 устанавливалось, что депутаты Верховного Совета СССР, Верховного Совета союзной республики и Верховного Совета автономной республики могли быть привлечены к мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия соответствующих Верховных Советов, а в период между сессиями – без согласия Президиумов этих Верховных Советов. При этом на первые две категории депутатов не распространялся принцип территориального ограничения неприкосновенности, а в отношении депутатов Верховного Совета автономной республики правила действовали в пределах союзной республики, в которую входила автономная республика. Оспаривание решений указанных Советов не предусматривалось.

В свою очередь ст. 34 названного законодательного акта было предусмотрено, что депутат краевого, областного Совета, Совета автономной области, автономного округа, районного, городского, районного в городе, поселкового, сельского Совета народных депутатов не мог быть на территории

соответствующего Совета подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия соответствующего Совета, а в период между сессиями – без согласия его исполнительного комитета. При этом решение Совета или его исполнительного комитета по указанному вопросу могло быть отменено соответственно вышестоящим Советом или его исполнительным комитетом с передачей вопроса на повторное рассмотрение Совета. А в случае, если Совет подтверждал первоначальное решение, вопрос мог быть решен по существу областным, краевым Советом народных депутатов, Президиумом Верховного Совета автономной или союзной республики по представлению соответственно *прокурора области, края, республики* (имеются ввиду как автономная, так и союзная республики). Как видим, Закон СССР предусматривал круг уполномоченных прокуроров, несколько отличающийся от закрепленного в рассмотренной выше ст. 76 Закона РСФСР от 19.07.1968 «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» (фактически лишались права внесения представления прокуроры автономной области и автономного округа), что дезавуировало ее значимость. Вместе с тем правомерно подчеркнуть то обстоятельство, что союзный законодательный акт устанавливал единые по всей стране правила применения особого порядка привлечения депутатов к административной ответственности, а равно участия прокуроров в этой процедуре.

Последние годы советского периода ознаменовались принятием новых законодательных актов, в том числе пришедших на смену выше упомянутым, в которых оговаривался особый порядок применения мер административного взыскания.

Так, Закон СССР от 21.12.1989 «О статусе народных депутатов в СССР» [8], сохранив в статьях 37 и 38 основные тенденции специфики административного преследования отдельных категорий депутатов (применительно к правонарушениям, наказуемым исключительно в судебном порядке, соблюдение принципа территориального ограничения неприкосновенности (кроме народных депутатов СССР и союзных республик), дача согласия на привлечение к административной ответственности исключительно органами представительной власти), закрепленные в ранее действовавшем одноименном законодательном акте [9], тем не менее детализировал в ст. 39 порядок получения согласия Совета на привлечение депутата к административной ответственности, на котором полагаем возможным остановиться, поскольку здесь речь шла о непосредственном алгоритме применяемых прокурорами полномочий.

Во-первых, для получения согласия местного Совета на применение мер административного

взыскания, налагаемых в судебном порядке, *соответствующий прокурор* вносил в Совет представление. То есть он из субъекта оспаривания вторичных решений Советов стал единственным инициатором процедуры административного преследования лиц, обладающих особым правовым статусом. Аналогичный по сути механизм применяется и в настоящее время, что говорит об определенной правопреемственности как в законодательстве, так и в правоприменении. Представление также могло быть внесено и *вышестоящим прокурором*, чего действующее законодательство не предусматривает. Представление вносилось перед направлением дела об административном правонарушении в суд. Кроме того, *вышестоящий прокурор* мог отозвать представление, внесенное в Совет *нижестоящим прокурором*, что также в настоящее время законодателем не оговаривается.

Во-вторых, Совет обязан был рассмотреть представление прокурора *не позднее чем в месячный срок* и был вправе запросить у прокурора дополнительные материалы, необходимые для решения вопроса, поставленного в представлении. Совет принимал мотивированное решение и в трехдневный срок извещал о нем прокурора. При наличии к тому оснований Совет мог пересмотреть свое решение. Депутат был вправе участвовать в рассмотрении Советом вопроса о его депутатской неприкосновенности.

В-третьих, при несогласии с решением местного Совета народных депутатов *вышестоящий прокурор* был вправе войти соответственно в вышестоящий Совет с представлением об отмене решения и передаче вопроса на повторное рассмотрение соответствующего Совета. С представлением об отмене решения сельского, поселкового, городского (города районного подчинения) Совета и о передаче вопроса на повторное рассмотрение вправе был войти соответственно в районный, городской Совет также *районный или городской прокурор*. Если Совет подтверждал первоначальное решение, вопрос мог быть решен по существу областным, краевым Советом народных депутатов *по представлению соответственно прокурора области, края, республики* (здесь вызывает определенный вопрос отсутствие в перечне уполномоченных прокуроров автономных областей и округов, равно как и соответствующих Советов народных депутатов).

Если представление прокурора, внесенное в указанный порядок, не рассматривалось местным Советом народных депутатов в месячный срок, вышестоящий Совет *по представлению соответствующего или вышестоящего прокурора* обязан был принимать меры к обеспечению незамедлительного его рассмотрения (в этом полномочии просма-

тривается механизм побуждения к определенным действиям, который в настоящее время может реализовываться только в судебном порядке).

В-четвертых, прокурор, вносивший представление в Совет, *в трехдневный срок* со дня окончания производства по делу обязан был сообщить Совету, давшему согласие на привлечение депутата к ответственности, о результатах рассмотрения дела.

В-пятых, четко оговаривалось, что получение согласия на применение мер административного взыскания, налагаемых в судебном порядке, не требовалось, если административное правонарушение совершалось депутатом вне территории того Совета, в состав которого он избран, а народным депутатом автономной республики – вне территории союзной республики, в которой состояла автономная республика, а сам депутат находился вне этой территории. В тех случаях, когда к моменту решения вопроса о применении мер административного взыскания, налагаемых в судебном порядке, депутат местного Совета народных депутатов находился на территории Совета, в состав которого он избирался, а народный депутат автономной республики – на территории союзной республики, в которой состояла автономная республика, получение согласия осуществлялось в указанном выше порядке.

Таким образом, законодатель *впервые наделил* прокуроров правом самостоятельно обращаться с представлением о снятии неприкосновенности с депутатов местных Советов, что явилось прототипом формирования соответствующей правовой базы уже в современный период.

В статье 35 Закона СССР от 31.05.1990 «О статусе народного депутата СССР» [10] получил закрепление алгоритм исполнения гарантированных ст. 123 Конституции (Основного Закона) СССР 1977 г. [11] требований к особому порядку привлечения народного депутата СССР к административной ответственности, согласно которому:

- для получения согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями – Президиума Верховного Совета СССР на применение мер административного взыскания, налагаемых в судебном порядке, *Генеральный прокурор СССР* перед направлением дела об административном правонарушении в суд обязан был внести в Верховный Совет СССР представление, на рассмотрение которого отводился один месяц. При необходимости от Генерального прокурора СССР могли быть истребованы дополнительные материалы;
- в рассмотрении вопроса вправе был участвовать народный депутат СССР, в отношении которого внесено представление. Верховный Совет СССР принимал мотивированное решение и в трехдневный срок извещал о нем Генераль-

ного прокурора СССР. При наличии оснований решение могло быть пересмотрено;

- Генеральный прокурор СССР в трехдневный срок со дня окончания производства по делу обязан был сообщить Верховному Совету СССР о результатах рассмотрения дела.

Таким образом, объем участия органов прокуратуры в применении особого механизма привлечения к административной ответственности был увеличен за счет *наделения Генерального прокурора СССР исключительными полномочиями*.

Еще одним шагом, закрепляющим непосредственное участие прокуроров в административном преследовании, стал Закон РСФСР от 30.10.1990 «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР» [12], в соответствии со ст. 30 которого народный депутат на территории соответствующего Совета не мог быть подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия соответствующего Совета. При этом производство по делу об административном правонарушении в отношении народного депутата могло быть возбуждено *только прокурором соответствующего уровня или вышестоящим прокурором с согласия Совета*. При этом на территории соответствующего Совета не допускалось задержание депутата, в том числе в административном порядке. Кроме того, в случае предъявления народному депутату после истечения его полномочий обвинения в нарушении закона, допущенном в период депутатской деятельности, привлечение к его административной ответственности допускалось только в порядке, применяемом в отношении народного депутата.

Непосредственно порядок получения прокурором согласия на привлечение народного депутата к административной ответственности регламентировался ст. 31 рассматриваемого законодательного акта и предусматривал:

- внесение *соответствующим или вышестоящим прокурором* перед возбуждением производства по делу об административном правонарушении в Совет представления, на рассмотрение которого отводился один месяц. При необходимости от прокурора могли быть истребованы дополнительные материалы;
- возможность участия в рассмотрении вопросов народного депутата, в отношении которого внесено представление, а по результатам принятия Советом мотивированного решения и извещения об этом прокурора в трехдневный срок;
- право *вышестоящего прокурора* при несогласии с решением местного Совета войти с представлением об отмене решения и даче согласия на привлечение депутата к ответствен-

ности соответственно в вышестоящий Совет, который мог отменить решение местного Совета и принять по представлению собственное решение;

- обязанность прокурора, внесившего представление в Совет, в трехдневный срок со дня окончания производства по делу сообщить Совету о результатах рассмотрения дела.

Еще одним усиливающим роль прокуроров и реализующим в свою очередь положения ст. 112 Конституции (Основного Закона) РСФСР 1978 г. [13] правовым актом являлся Закон РСФСР от 15.11.1990 «О статусе народного депутата РСФСР» [14], статья 31 которого установила, что производство по делу об административном правонарушении, ответственность за которое налагается в судебном порядке, в отношении народного депутата РСФСР могло быть возбуждено *только Прокурором РСФСР с согласия Съезда народных депутатов РСФСР или Верховного Совета РСФСР*. Норма запрещала также задержание народного депутата РСФСР в какой бы то ни было форме, то есть и в административном порядке. Кроме того, в случае предъявления народному депутату после истечения его полномочий обвинения в нарушении закона, допущенном в период депутатской деятельности, привлечение к его административной ответственности допускалось только в порядке, применяемом в отношении народного депутата.

В свою очередь ст. 32 рассматриваемого законодательного акта устанавливала порядок получения согласия на привлечение народного депутата РСФСР к административной ответственности, что предполагало:

- внесение *Прокурором РСФСР* перед возбуждением административного производства на Съезд народных депутатов РСФСР или в Верховный Совет РСФСР представления на применение мер административного взыскания, налагаемых в судебном порядке, которое подлежало рассмотрению не позднее чем в месячный срок. При необходимости от Прокурора РСФСР могли быть истребованы дополнительные материалы;
- возможность участия в рассмотрении вопросов народного депутата РСФСР, в отношении которого внесено представление. Съезд народных депутатов РСФСР или Верховный Совет РСФСР принимали мотивированное решение и в трехдневный срок извещали о нем Прокурора РСФСР;
- обязанность Прокурора РСФСР в трехдневный срок со дня окончания производства по делу сообщить Съезду народных депутатов РСФСР или Верховному Совету РСФСР о результатах рассмотрения дела.

Согласно ст. 24 Закона РСФСР от 04.07.1991 № 1543-1 «Об арбитражном суде» [15], действовавшего до 1995 г., судья арбитражного суда не мог быть подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия соответственно Верховного Совета РСФСР, Верховного Совета республики в составе РСФСР, а в период между сессиями – их Президиумов либо без согласия Совета народных депутатов автономной области, автономного округа. Соответственно неприкосновенность судьи распространялась на всю территорию РСФСР. При этом судья арбитражного суда, задержанный или доставленный в орган внутренних дел в порядке производства по делам об административных правонарушениях, подлежал освобождению немедленно по выяснении его личности. Дело об административном правонарушении в отношении судьи арбитражного суда могло быть возбуждено *только* соответственно *Генеральным прокурором РСФСР, прокурором республики в составе РСФСР, прокурором автономной области, автономного округа*. Правда, законодатель не считал необходимым уточнить, на каком этапе требовалось получение согласия соответствующего Совета – перед возбуждением производства или непосредственно перед передачей дела об административном правонарушении в суд.

Кроме того, отметим, что согласно ст. 10 рассматриваемого законодательного акта в то время в систему арбитражных судов входили также краевые, областные и городские арбитражные суды, в силу чего далеко не вполне понятно, почему правом возбуждения дел были наделены исключительно прокуроры национально-территориальных образований, в то время как на абсолютное большинство регионов России распространялась исключительная юрисдикция Генерального прокурора РСФСР.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу законодательства советского периода, отметим следующее:

- 1) появление прокурора как участника применения особых процедур в отношении депутатов местных Советов произошло в начале 1960-х – начале 1970-х гг. и первоначально это участие проявлялось во внесении представления в вышестоящий Совет в связи с несогласием с принятым решением нижестоящего Совета;

- 2) в конце 1980-х гг. законодатель наделил прокурора правом самостоятельно обращаться с представлением о снятии неприкосновенности с депутатов местных Советов, а также закрепил алгоритм принятия решений Советами в связи с обращением прокурора;
- 3) с 1990 г. прокуроры получили исключительное право возбуждать производство по делу об административном правонарушении в отношении народных депутатов с согласия соответствующих Советов;
- 4) контингент лиц, обладающих особым правовым статусом, в привлечении к административной ответственности которых косвенно либо напрямую принимали участие прокуроры, в основном ограничивался депутатами Советов различных уровней и лишь в 1991 г. он пополнился абсолютно новыми персоналиями – судьями арбитражных судов;
- 5) органами, куда вправе были обращаться с представлениями прокуроры, на протяжении исследованного советского периода неизменно оставались Советы соответствующего уровня, хотя подчеркнем, что круг таких согласующих органов в последние годы существования Союза ССР был значительно дополнен, что было обусловлено в том числе и появлением новых категорий лиц, обладающих особым правовым статусом, однако поскольку роль прокуроров в соответствующих законодательных актах не оговаривалась, этот вопрос целесообразно рассмотреть в самостоятельной статье.

В последующем уже при формировании российского законодательства отдельные наработки, рассмотренные выше, были востребованы, а некоторые, на наш взгляд, незаслуженно проигнорированы. В частности, следовало бы сохранить именно за прокурором исключительное право возбуждать дело об административном правонарушении в отношении лиц, обладающим особым правовым статусом. Кроме того, было бы полезно законодательно закрепить право вышестоящего прокурора отменять решение нижестоящего прокурора по вопросу о привлечении к административной ответственности соответствующих лиц.

Библиография:

1. Винокуров А.Ю. Участие прокурора в административном преследовании должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции // Административное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 30–35.
2. СПС «КонсультантПлюс».
3. Свод законов РСФСР. 1988. Т. 1. С. 763.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 9. Ст. 222 (с посл. изм.).
5. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 653.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 654 (с посл. изм.).

7. Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 39. Ст. 347 (с посл. изм.).
8. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 567.
9. Закон СССР от 20.09.1972 «О статусе народных депутатов в СССР».
10. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 24. Ст. 443.
11. Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617 (с посл. изм.).
12. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 23. Ст. 279.
13. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407 (с посл. изм.).
14. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 25. Ст. 312.
15. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1013 (с посл. изм.).

References (transliterated):

1. Vinokurov A.Yu. Uchastie prokurora v administrativnom presledovanii dolzhnostnykh lits, vpolnyayushchikh opredelennye gosudarstvennye funktsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 1. S. 30–35.
2. SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Svod zakonov RSFSR. 1988. T. 1. S. 763.
4. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1955. № 9. St. 222 (s posl. izm.).
5. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1971. № 31. St. 653.
6. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1971. № 31. St. 654 (s posl. izm.).
7. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1972. № 39. St. 347 (s posl. izm.).
8. Vedomosti SND SSSR i VS SSSR. 1989. № 29. St. 567.
9. Zakon SSSR ot 20.09.1972 «O statuse narodnykh deputatov v SSSR».
10. Vedomosti SND SSSR i VS SSSR. 1990. № 24. St. 443.
11. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1977. № 41. St. 617 (s posl. izm.).
12. Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1990. № 23. St. 279.
13. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1978. № 15. St. 407 (s posl. izm.).
14. Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1990. № 25. St. 312.
15. Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 30. St. 1013 (s posl. izm.).